

ФЕСТИВАЛЬ

Завещание Соломона

Проходящий в Москве
Международный фестиваль
имени Соломона Михоэлса
приветствовали три президента —
России, США и Израиля

Близкий друг Михоэлса латыш Поль Арман, герой войны в Испании и Герой Советского Союза, говорил: «Да не делайте вы из Соломона только еврея, он — для всех!» Так оно и оказалось. При том, что истоки его бессмертных ролей — короля Лира или Тевье-молочника скорее всего (и сам артист это признавал) — в карнавальных дурачествах праздника Пурим, когда все становилось с ног на голову: трезвенники напивались до бесчувствия, мужчины и женщины менялись одежками, а по городу бродили уличные актеры. Как бы то ни было, но молодой юрист из Двинска Соломон Вовси бросил службу и в 1918 году поступил в первую еврейскую театральную студию в Петрограде.

В созданный Михоэлсом еврейский театр на Малой Бронной (ГОСЕТ) рвались люди, не знавшие идиша, — они хотели видеть великого Соломона. Он слишком поздно начал, и времени у него было в обрез. «Научить нельзя, — любил повторять он, — научиться можно».

Он был невысок ростом и очень некрасив. Его преподаватель в студии сказал ему: «Все есть, но с такой внешностью и с таким ростом — на сцену?!» Увы, Михоэлс и сам говорил, что с удовольствием сдал бы свою внешность в ломбард и потерял квитанцию. Особенно досаждала резко выступающая вперед нижняя губа. Но как ярился он, когда ретушировали его фотографии или пытались гримом исправить недостаток! «Может, у меня вся сила в ней, — гремел его не знающий «среднего регистра» могучий голос. — Как у Самсона — в волосах!» Он был маленьким, но сильным, и своей силой гордился — в «Короле Лире», например, всегда выносил Корделию на руках.

В середине войны председатель Антифашистского еврейского комитета Соломон Михоэлс едет в Америку и, выступая там, добивается перелома в отношении к своей стране, а конкретно — резкого увеличения поставок техники и продовольствия. «Американцы, — заметил он тогда, — не любят отвлеченных положений и обобщенных страстей». А через пять лет по личному приказу Сталина Михоэлса убили: в Минске, куда он поехал вручать государственные премии, его сбила машина. Перед этой, казалось бы, рядовой командировкой Михоэлс почему-то обзвонил всех друзей и со всеми попрощался. Он обожал собак, но перед поездкой каждую ночь ему снилось, как они его раздирают: «Что я смогу оставить тебе и детям?» — спрашивал он жену. И миру, и семье он оставил о себе память.

Эта память нашла живое воплощение в Международном фестивале имени Соломона Михоэлса, который проводится в России в третий раз. В нем участвуют полтысячи коллективов и солистов. Международные балетные антрепризы представили свои премьеры. Проходят Неделя еврейского кино и Международный конкурс исполнителей народной еврейской музыки. Завершится этот праздник для всех грандиозным шоу в зале «Россия».

На фестиваль из Израиля приехали дочери Соломона. Когда-то они, зная страсть отца к чистым листам бумаги, «забывали» где придется то тетрадку, то блокнот. И Михоэлс, не замечая хитрости, принимался писать. А в конце — как в праздник Пурим — все насмешливо переименовывал. Например, после размышлений о Ричарде III: «Очень наивно, но верно. И до чего же плохо написано!! Самая страшная из всех человеческих глупостей — это глупость самолюбования».

Ольга ДУНАЕВСКАЯ

Моск. новости. - 2000. -

26 сент. - с. 15.